

А. В. Тарарак

Харьков

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЛКОВАНИЯ НАПОЛЕОНОВСКОГО МИФА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: НАПОЛЕОНОВСКИЙ «ТЕКСТ»

У статті розглядається специфіка інтерпретації наполеонівського міфу у російській літературі, яку осмислено у категорії «тексту», тобто семантично пов'язаної спільності творів, яка встановлюється на засадах цілого, що стоїть за ним, та невід'ємного від сфери міфологічного. Подібна семантична спільність виникає незалежно від часу створення творів, їхнього авторства, мети, адресату та індивідуальних художніх рішень. Твори, підключені до наполеонівського «тексту», розглядаються як такі, що містять спільний «код», поглиблюють та розширюють змістовне поле, до якого вони залучені. Специфічна інтерпретаційна позиція дає змогу виявити нові, додаткові змісти кожного елемента «тексту» та самого «тексту» в цілому. Його «внутрішній сюжет» зумовлений не реальною історичною долею Наполеона, а тим, яке тлумачення та інтерпретацію отримував наполеонівський міф в російській літературі.

Ключові слова: «текст», наполеонівський міф, змістовна рамка, семантична спільність творів, код.

В статье рассматривается специфика интерпретации наполеоновского мифа в русской литературе, которая осмыслена в категории «текста», то есть, семантически связанной общности произведений, которая устанавливается на основе целого, стоящего за ним, и неотделима от сферы мифологического. Такого рода семантическая связанность возникает независимо от времени создания произведений, их авторства, цели, адресата и индивидуальных художественных решений. Произведения, подключенные к наполеоновскому «тексту», рассматриваются как имеющие общий «код», углубляют и расширяют смысловое поле, в которое они вовлечены. Специфическая интерпретационная позиция позволяет в таком случае выявить новые, дополнительные смыслы и каждого отдельного элемента «текста», и его самого в целом. Его «внутренний сюжет» обусловлен не реальной исторической судьбой Наполеона, а тем, какое истолкование в русской литературе получал миф о нем.

Ключевые слова: «текст», наполеоновский миф, рамка смысла, семантическая общность произведений, код.

We analyze in our article the specific character of Napoleonic myth interpretation in the Russian literature, which is comprehended in “text” category, that means the semantically connected community of works, fixed on the basis of the full, which is coming further. This community is integral with the mythological. Such a semantic connection appears not in depending on the time of works creation, their authors, goals, addressee and the custom artistic decisions. The works, connected to Napoleonic “text” we consider as such ones, which have one common “code”, they deepen and widen the notional field they are engaged to. In this case, the specific interpretational position gives an opportunity to find some new, occasional meanings of each certain cell of the “text” and of the whole “text”, too. Its “inner subject” is established not by the real historic Napoleon’s fate, but by the interpretation of Napoleonic myth in the Russian literature.

Key words: “text”, Napoleonic myth, the meaning frame, the semantic community of works, the code.

Осмысление специфики истолкования феномена Наполеона в русской литературе осознаны как отдельная научная проблема в 1870-х гг., когда И.П. Липранди выпустил в свет «Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 г. [2]. С тех пор характер соотношения наполеоновского мифа с русской литературой получал в науке противоречивое осмысление. Каталогизация произведений о Наполеоне, с которой началось изучение проблемы, сменилась исследованиями специфики воплощения наполеоновского образа, сюжета, темы в русской литературе. Однако очевидной является терминологическая путаница, когда особенности функционирования этого феномена определяются, как «черная» и светлая наполеоновская легенда, русская версия наполеоновской легенды, миф различных изводов и пр.

На наш взгляд, наполеоновский миф, организованный мифологемой Наполеона как культурного героя, в русской литературе не мог ни сложиться, ни утвердиться. Но он оказывал мощнейшее влияние на русское культурное сознание, вызвал к жизни целый ряд произведений, созданных в различных родах и жанрах, посвященных ему, а также соприкасающихся с ним. Характер восприятия наполеоновского мифа русской литературой, по нашему мнению, отвечает понятию «текст» – семантически связанной общности произведений русской литературы, устанавливаемой на основе стоящего за ними целостного комплекса значений и неотделимой от сферы мифологического. Цель данной статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать наполеоновский «текст» как совокупность произведений, заключенных в «герметическую рамку» (М.Л. Гаспаров) смысла [1, с. 327], несмотря на различное время их создания, авторство, читательскую аудиторию, к которой они обращены, и индивидуальные художественные решения.

В понимании «текста» мы исходим из идей, высказанных В.Н. Топоровым в работах о Петербургском «тексте» русской литературы [3; 4]. Согласно им, произведения, входящие в наполеоновский «текст» русской литературы, могут рассматриваться, как содержащие и воспроизводящие общий «код», углубляя и расширяя смысловое поле, в которое они вовлечены. Специфическая интерпретационная позиция позволяет в таком случае выявить новые, дополнительные смыслы и каждого отдельного элемента «текста», и его самого в целом. Его «внутренний сюжет» обусловлен не реальной исторической судьбой Наполеона, а тем, какое истолкование в русской литературе получал миф о нем.

Довоенный книжный репертуар, находящийся у истоков наполеоновского «текста» русской литературы, свидетельствует о том, что общество испытывало огромный интерес к личности Наполеона и несомненно попало под влияние французской периодики и компилятивных изданий, прославляющие его и утверждающие его значимость. Это проявилось и в использовании элементов античной мифологии, которые были координатами для осмысления феномена Наполеона на его родине.

Личность Наполеона идеализировалась: он сопоставляется с Александром Македонским, Ганнибалом, а также с Фридрихом Великим и Дж. Вашингтоном. Особенно это ощутимо в изданиях, отвечавших на либеральные ожидания русского общества. Переводчики отбирали для перевода те книги, в которых Бонапарт представлялся носителем ценностей революции, поборником социальной справедливости и равенства.

Период войн 1805–1807 гг. и Отечественной войны 1812 г. представляется нам временем формирования наполеоновского «текста». В произведениях, рассматриваемых как входящие в него и «подключенные» к нему, обнаруживается семантическая связанность отдельных элементов. Формирование «общего смысла» не было процессом линейным и однозначным. На русский книжный рынок вышли переводные издания, предложившие читателю образ Наполеона как самозванца, который обманом и хитростью занял не принадлежащий ему царский трон. Этот образ многократно тиражировался в русской периодической печати и стал стереотипным. В постановлении Священного Синода и в многочисленных проповедях, произносимых с православных храмах, Наполеон отождествлялся с претендентом на трон небесный («Антихрист»). В поэзии периода Отечественной войны 1812 г. актуализируется именно второе понимание, в котором завоеватель соотносится с крылатой тварью, «князем тьмы» и преступником («тать»). В стихотворениях и мемуарах движение его войска соотнесено с движением лавины («течь»). Образу завоевателя противопоставляются идеализированные образы русских военачальников.

Но в отличие от античной метафорики, свойственной европейским представлениям о Наполеоне, в русской поэзии доминировала образность как ветхозаветная, так и заданная древнерусскими памятниками, что связано с формированием в недрах классицизма романтических тенденций. Свообразным ответом на мифопоэтический образ Бонапарта как непобедимого героя, любимца судьбы, подобного солнцу, становятся сравнения, почерпнутые из Апокалипсиса («князь тьмы»), а традиционные для начала века сопоставления с Александром Македонским и Ганнибалом сменяются унижительными для Наполеона и иначе семантически маркированными: Атила, Тамерлан, Батый, т.е. коварный завоеватель, вор, грабитель, враг православной веры. Утверждение романтизма в русской поэзии проявилось также и в том, что жанр оды потесняется жанрами песни и элегии, выражение патриотических чувств сопровождается философскими размышлениями об участи военного поколения, жертвы, а образ Наполеона становится амбивалентным. В сюжет о грозном завоевателе, поверженном мужественным русским народом, входит мотив бренности жизни, зависимой от рока.

Творческое наследие А.С. Пушкина является важнейшим элементом, звеном наполеоновского «текста» русской литературы. Восприняв ключевые моменты описания фигуры завоевателя от предшествующей поэзии («тиран», «коварство», «бич»), он уже в раннем творчестве выходит за рамки стереотипных сопоставлений (вместо Тамерлана – «сын Беллоны», вместо

текли – «быстрым понеслись потоком»). Отказывается А.С. Пушкин и от присущего поэзии тех лет понимания слова «счастье» как рока или судьбы. Говоря о «счастье» Наполеона, он подразумевает случайное возвышение, неожиданную удачу, что становится своего рода ответом на героическую составляющую французского мифа. Наполеон оказывается не мудрым государственным деятелем и военачальником, а карточным игроком, сыгравшим на удачу, и проигравшим.

Однако восприятие Наполеона у А.С. Пушкина не является линейным и однозначным: поэт переживал существенную эволюцию по отношению к нему. Противоречивость отношения к этой фигуре ощущается уже в «Тени Фонвизина», где поэт иронизирует над ее демонизацией в предшествующей поэзии. Рассматривая феномен Наполеона в различных проблемных контекстах – герой и толпа, гениальность и злодейство, русское и западноевропейское, высокое и низкое, индивидуальное и соборное, – он создает многомерное представление об этом феномене. В преломлении через возвышение и падение Наполеона рассматривается и русская, и мировая история, в которой периодически возникали приступы «самовластья» и герой оказывался тираном. Здесь возникает иная семантика слова «счастье»: оно осмыслено, как неведомая сила судьбы. В произведениях А.С. Пушкина наряду с романтической лексикой, используемой для описания Наполеона, возникают индивидуально-авторские способы осмысления этого феномена.

Поэт видит его в широком историческом контекстом, соотносит с рядом аналогичных явлений, отмечая и его исключительность, и типологические сходства с историческими персонажами прошлого (герой, тиран, самозванец). Это свидетельствует об «особом месте» [4, с. 267], которое фигура Наполеона занимает в творческом сознании поэта. Пушкинские произведения являются важной частью наполеоновского «текста» русской литературы. Они скрепляют предшествующие ему и последующие интерпретации наполеоновского мифа, отдавая дань традиционному истолкованию этой фигуры и формулируя смыслы, которые на протяжении века будут транслировать новые поколения писателей. Особая роль произведений А.С. Пушкина в этом «тексте» состоит в том, что они разрушили одномерность оценки Наполеона. Наполеоновский миф становится катализатором поисков ответов на вопросы о русском европействе и патриотизме, о правах выдающейся личности на возвышение над толпой и самозванстве, об индивидуализме и народном подвиге, о прихотливости «счастья» как удачи и как судьбы.

Романтический и неоромантический сегменты наполеоновского «текста» русской литературы находятся в тесной семантической связи друг с другом, а также с иными элементами этого «текста». В эстетике романтизма фигура Наполеона воспринимается, как фигура героя, возвышающегося над толпой, что совпадает и с одной из идей пушкинского творчества. В поэзии и мемуаристике романтизма она клишируется, разрабатывается как тема избранничества и жертвы рока, историческая конкретика замещается метафорический образом «тени», стереотипным образом последнего

пристанища (могилы) и зрительными характеристиками: скрещенные на груди руки, впоследствии ставшие символом «завышенной самооценки», треуголка, серый сюртук (Пушкин, Лермонтов, Полонский, Норов, Давыдов). Сходными являются композиционные приемы, описывающие судьбу героя. Новым в сравнении с предшествующей литературой становится идея бунтующего индивидуализма, гибель героя под ударами безжалостной судьбы и презренной толпы, а также образ небесного явления (комета, звезда, туча), символизирующего его гибель (Бенедиктов, Полонский).

Идея избранничества, гениальности, осмысленная сквозь призму взаимоотношений героя и толпы (Пушкин, Лермонтов, Бенедиктов, Одоевский, Белинский, Золотов), оборачивается проблемами морали и нравственности, добра и зла, а также столкновения Востока и Запада, когда Наполеон воспринимается, как символ западной культуры, а его нашествие – как толчок к вхождению России в мировую историю («великий жребий указал»). А.С. Пушкиным показана и плодотворная возможность перевода проблемы из бытийного плана в бытовой: она реализована в мемуаристике периода романтизма. Семантическая и композиционная общность возникает не только между воспоминаниями разных авторов, встречавшихся с Наполеоном, мемуарами и романистикой, но и между воспоминаниями и поэзией, устанавливаемая на основе общих зрительных характеристик и семантики слова «счастья».

Неоромантическая интерпретация наполеоновского мифа объединена с интерпретацией романтической отбором ключевых понятий, прежде всего, «герой» и «поэт», и тем, что вся романическая литература осознается символистами, как наполеоновский «текст». К нему подключены и произведения мировой литературы – Байрона, Гёте, Ницше. В эстетике символизма фигура Наполеона мифологизируется и, как в творчестве М.Ю. Лермонтова, ее осмысление приближается к героической составляющей французского мифа. «Герой» воспринимается, как следствие перерождения человеческой природы, как гений, равный «Поэту», как революционер, явление Аполлона в его пушкинской (Д.С. Мережковский) и Диониса в ницшеанской (Вяч. Иванов) интерпретациях. В поэзии В.Я. Брюсова происходит актуализация пушкинской семантики «счастья» как удачи карточного игрока, а также марионетки в руках судьбы.

Литература русского реализма представляет собой глубокое онтологическое прочтение наполеоновского феномена. Она входит в наполеоновский «текст» русской литературы и всем своим общим смыслом, который можно было бы назвать ответом на западный миф о герое, и индивидуальными авторскими интерпретациями, которые получили не только русское, но и всемирное признание.

Поэзия русских славянофилов, находящаяся на пересечении романтизма и реализма, тесно связана с истолкованием феномена Наполеона в предшествующей поэзии, но поэты производят значимую замену: место отвлеченного и аллегорического мотива рока, карающего завоевателя, занимает православие, о крепость которого разбивается его мощь. Несмотря

на клишированность образов, применяемых для описания могилы Наполеона, его фигуры, славянофилы выходят за рамки стереотипизации деталей, утверждая противоречие между характером революции, из которой он вырос, и сущностью его действий. Возникает иронический подтекст, ощутимый в публицистике Ф.И. Тютчева и в критике В.Г. Белинского.

Наивысшее воплощение тема Отечественной войны 1812 г. получила в «Войне и мире» Л. Толстого, который, на наш взгляд, полностью отказался от идеализации этого образа в духе романтизма. Если у Ф. Достоевского все-таки ощутима сила соблазна наполеоновской идеи, то в толстовском романе образ Наполеона является своего рода отрицательным нравственным полюсом. Впрочем, не надо забывать о толстовской диалектике, когда образ человека передан в сложном движении противоречивости, присущей ему. В какой-то мере о такой противоречивости можно говорить и по отношению к Наполеону, но все же доминантной его образа является нравственная несостоятельность.

Русская литература первой трети XX в. хронологически замыкает «фрагмент» наполеоновского «текста», которому посвящен наш анализ. В ней семантическое единство со всей совокупностью произведений, входящих в эту смысловую «рамку», включаются отдельные произведения. Основанием для их подключения к наполеоновскому «тексту» являются отбор «ключевых» слов, использование стереотипных зрительных характеристик Наполеона, их сигнальность для обозначения общих смыслов. После М. Цветаевой, которая актуализирует пушкинские и лермонтовские смыслы, сложно назвать какого-нибудь другого поэта той поры, кто так страстно и увлеченно возвращался к образу Наполеона. Пожалуй, она была последней, кто не только возрождал, но творчески развивал европейский наполеоновский миф, давая ему индивидуальное, почти интимное прочтение.

Развенчание наполеоновского мифа в его романтическом и неоромантическом варианте шло в русле общей эстетики футуризма, но без предшествующей литературы, в которой устоялись определенные и хорошо внятные поэту смыслы, это было бы невозможно. Сакральный смысл наполеоновского мифа («славится столетий сто») давал В.В. Маяковскому возможность опереться на него и стать вровень, а то и превзойти масштаб личности лирического героя, его возможностями в построении нового мира. Можно говорить, что в своем понимании В.В. Маяковский оказался близким Л.Н. Толстому, видевшему в Наполеоне посредственность и выскочку. Не случайно такими чертами был наделен ненавистный поэту премьер-министр Временного правительства.

Отторжение наполеоновского мифа в эстетике футуризма является, на наш взгляд, сигналом о выходе русской культуры из полосы его актуализации и замене иным мифом творца иного, лучшего мира. Индивидуальная его рецепция осуществлялась в творчестве М. Цветаевой. Русский акмеизм его фактически обошел, и лишь у О. Мандельштама в его поздних, предсмертных стихах возникает наполеоновская символика, но говорить о мифологизации здесь не приходится. Использование символики,

зрительных характеристик и топосов, связанных с именем Наполеона, в стихотворении поэта включают его в наполеоновский «текст» русской литературы.

Библиографические ссылки

1. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 351 с.
2. Липранди И.П. Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 года / И.П. Липранди. – М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете., 1876. – Отд. 1–2. – 116 с.
3. Топоров В.Н. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») / В.Н. Топоров В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 193–258.
4. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) / В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 259–367.

Надійшла до редколегії 18 листопада 2014 р.